

На правах рукописи

ГЛАЗКОВА Марина Михайловна

**РОМАН ВЛАДИМИРА МАКСИМОВА
“СЕМЬ ДНЕЙ ТВОРЕНИЯ”:
ПРОБЛЕМАТИКА, СИСТЕМА ОБРАЗОВ, ПОЭТИКА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2004

Работа выполнена в Тамбовском государственном техническом университете на кафедре русской филологии

**Научный руководи-
тель** доктор филологических наук, про-
фессор
Попова Ирина Михайловна

**Официальные оппо-
ненты:** доктор филологических наук, про-
фессор
Комлик Надежда Николаевна

кандидат филологических наук, до-
цент
Гончаров Петр Андреевич

Ведущая организация
Магнитогорский государственный
университет

Защита состоится 25 июня 2004 года в 12³⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.261.03 в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина по адресу: 392000, Тамбов, ул. Советская, 93, Институт филологии ТГУ имени Г.Р. Державина.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (ул. Советская, 6).

Автореферат разослан “ ___ ” _____ 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Пискунова С.В.

Подписано к печати 19.05.2004
Гарнитура Times New Roman. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем: 1,16 усл. печ. л.; 1,3 уч.-изд. л.
Тираж 100 экз. С. 382

Издательско-полиграфический центр ТГТУ
392000, Тамбов, Советская, 106, к. 14

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

“Семь дней творения” (1971 г.) – первое произведение Владимира Максимова, написанное в жанре романа. В нем сконцентрированы важные проблемы современности, затронутые автором в его ранних повестях: нравственное самоопределение человека в тоталитарном обществе, динамика его мировоззренческих критериев, поиск причин возникновения кризиса, социального и внутриличностного, в период катаклизмов в России и пути выхода из них, преодоление процесса духовной деградации, возникшей в результате длительных трагических социальных перипетий.

В своем творчестве Владимир Максимов отразил факты своей писательской и человеческой биографии как художественные искания смысла человеческого бытия и гармонии.

Писатель своей литературной и человеческой судьбой обозначил великий разлом эпохи. Он, однажды назвавший себя и себе подобных “детьми революции”, был побужден к бунту чувством моральной ответственности за ее последствия.

Эта проблематика намечалась уже в дебюте Владимира Максимова в 1956 году, когда в Черкесске вышла книжка его стихов “Поколение на часах”. В стихах были сформулированы важнейшие для его последующего творчества в целом, основанные на автобиографической документальности, мотивы.

Усиление трагических нот в творчестве Владимира Максимова (рассказы “Дуся и нас пятеро”, “Искушение”; “Шаги к горизонту”; повести “Дорога”, “Стань за черту”, острота коллизий, обнажавших социальное неблагополучие советского общества, искажение в нем нравственных ориентиров), привели писателя к созданию программного романа-эпопеи “Семь дней творения”, пронизанного тоской по христианскому идеалу.

Обращение прозаика к христианству повлекло за собой наполнение творчества новым содержанием. Владимир Максимов стал стремиться к поиску истоков народной беды, к восстановлению закрепленного исторической традицией духовного облика и мироощущения русского человека. Эти мотивы вошли и в роман “Семь дней творения”, и во все последующие произведения писателя.

Владимир Максимов со всей определенностью обозначает собственный путь в литературе: к воплощению жизненного и духовного опыта, открытий, ставших результатом напряженной работы ума. Он проявился в темах и конфликтах первых произведений, в типе героя, остроте нравственных оценок и драматизме действия.

Специфика авторского мировидения не осталась незамеченной для западных исследователей творчества Владимира Максимова. Браун Д. в своей книге “Русская советская литература после Сталина” отмечает самобытность и значительность творчества Владимира Максимова, которое он видит в особом взгляде русского прозаика на социальное “дно”.

Центральной темой максимовских повестей стало самоопределение человека в мире, исполненном трагических противоречий. В литературном произведении, где господствует “личность писателя как единственная творческая сила, занятая самосознанием, но исключительно в пределах творчества”¹, немалое значение имеет выбор писателем тем, проблем, мотивов, воплощающихся в образах главных героев.

Жизненное прозрение, сопряженное с возмездием, трагической ценой за него, – вот лейтмотив повестей Владимира Максимова 1960-х годов. Критикой тех лет отмечались жесткость, бескомпромиссность нравственного суда, под действие которого попадают герои писателя. Таково мнение Л. Аннинского², А. Нинова³.

На первый роман писателя “Семь дней творения” лег отпечаток совершившегося в то время общественного самоопределения Владимира Максимова. Художник занял место среди диссидентов, вставших в непримиримую оппозицию к существовавшей власти.

Но размышления писателя направлены на другое: где корни, истоки большевизма, кто виноват в разочаровывающих результатах исторического эксперимента, в чем спасение России? В поисках ключа к этим вопросам Владимир Максимов и обращается к исторической значимости христианства в России в своем романе “Семь дней творения”.

Творчеству Владимира Максимова посвящено небольшое количество журнальных и газетных статей, лаконичных отзывов и воспоминаний современников, касающихся, в основном, политических проблем, обсуждаемых им в разные годы. В последнее десятилетие интерес к наследию Владимира Максимова возрос. Вышло его собрание сочинений в девяти томах, появилось несколько диссертационных

¹ Бурсов, Б.И. Судьба Пушкина / Б.И. Бурсов. – Л.: 1989. – С. 534.

² Аннинский, Л.А. Необрывающийся диалог / Л.А. Аннинский // Континент. – М.; Париж, – 1996. – № 2. – С. 217 – 223.

³ Нинов, А. Где начинается горизонт? / А. Нинов // В литературном зеркале: о творчестве Владимира Максимова. – Париж; – Нью-Йорк: Третья волна, 1986. – С. 262 – 263.

исследований.⁴ Первый роман писателя “Семь дней творения” до сих пор не подвергался монографическому изучению, хотя и признавался всегда одним из его лучших произведений. В работе М.М. Дунаева “Православие и русская литература” есть указание на то, что Владимир Максимов углубляет традиции Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, М. Горького.

Актуальность исследования заключается в потребности единого, целостного анализа наиболее яркого, поворотного в художественном плане произведения писателя, его первого романа “Семь дней творения”, позволяющего четко определить особенности художественного мироощущения значительного русского прозаика, что вписывается в приоритетное направление отечественного литературоведения: изучение специфики творчества русских писателей XX века, в том числе писателей русского зарубежья “третьей волны”.

Объектом исследования является “Семь дней творения”, первое крупное эпическое произведение Владимира Максимова.

Предметом изучения является идейно-тематическая и поэтическая структура романа Владимира Максимова “Семь дней творения”, в которой выделяются основные темы, проблемы, система образов; поэтическая организация повествования в ее основных формах.

Цели исследования:

– определить значимость романа в творческой судьбе автора, осмыслить идейно-тематические и поэтические особенности одного из поворотных и значительных эпических полотен выдающегося русского прозаика;

– проанализировать содержательные и формообразующие особенности романа “Семь дней творения” в их гармонической взаимозависимости.

Задачи диссертации вытекают из поставленных целей:

– выявить авторское художественное мировидение, воплощенное в структуре романа Владимира Максимова “Семь дней творения”;

– изучить идейно-тематическое содержание произведения, восходящее к идеям Ф.М. Достоевского и М. Горького в романе “Семь дней творения”;

– определить особенности поэтической структуры романа (употребление художественного приема сна, значимость христианской символики, роль пейзажа в произведении, способы создания полифонии);

– определить место и значимость романа “Семь дней творения” в контексте творчества Владимира Максимова.

Методы исследования сочетают проблемно-аналитический и функциональный подходы в совокупности со сравнительно-историческим методом изучения художественного произведения.

В основе диссертационного исследования лежит **рабочая гипотеза**: роман “Семь дней творения” стал воплощением мировоззренческого переворота, нового видения мира, произошедшего у писателя под воздействием идей православия. Он содержит ключи к решению важных проблем последующего творчества, в частности, его романов “Ковчег для незваных”, “Карантин”, “Прощание из ниоткуда”, “Кочевание до смерти”. Осмысляя христианские ценности в качестве этико-философского фундамента своего романа, Владимир Максимов утверждает, что возврат к традиционным для России духовным основам жизни способен вывести страну из затяжного кризиса и воскресить соборную душу народа.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что в диссертации впервые дается целостный анализ романа Владимира Максимова “Семь дней творения”. Диссертация, обобщая все уже написанное о Владимире Максимове в литературоведении, углубляет представление о творческом своеобразии писателя, особенностях его поэтики на материале неизученного произведения яркого художника русского зарубежья. Предметом специального исследования впервые стало аксиологическое и поэтическое своеобразие романа, значительного в идейно-тематическом и поэтическом отношении, ставшего точкой преломления духовно-мировоззренческих устремлений Владимира Максимова. Роман “Семь дней творения” рассматривается в контексте прозы писателя.

Основные положения, выносимые на защиту:

1 Роман Владимира Максимова отражает решающий этап на пути духовно-нравственных исканий писателя: автор воплощает в “Семи днях творения” христианскую идею покаяния и духовного воскресе-

⁴ См., например: Баклыков, А.В. Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова “Кочевание до смерти” / А.В. Баклыков. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Тамбов, 2000. – 189 с.; Дзюв, А.Р. Проза Владимира Максимова / А.Р. Дзюв. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. – СПб., 1994. – 160 с.; Савушкина, Н.Н. Роман Владимира Максимова “Прощание из ниоткуда”. Типология жанра / Н.Савушкина. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Тамбов, 2002. – 159 с.; Чу, Юань. Жанровое своеобразие романа Владимира Максимова “Заглянуть в бездну” / Чу Юань. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Тамбов, 2003. – 178 с.; Шахова, Л.А. Функции интертекста в романистике Владимира Максимова (на примере романа “Ковчег для незваных” / Л.А. Шахова. Дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. – Тамбов, 1999. – 162 с.

сения в качестве единственной спасительной опоры России на пути к возрождению, следуя в целом за Ф.М. Достоевским, идеи, образы, сюжеты которого он осмысляет и углубляет.

2 Роман “Семь дней творения” продолжает традиции советской литературы в плане решения социальной проблематики, но представляет иной пласт в идейном аспекте. В романе фокусируется художественный опыт ранних повестей Владимира Максимова, религиозные мотивы, воплотившиеся в “Семи днях творения”, найдут отражение и углубление в последующих романах.

3 Владимир Максимов, создавая образы своих героев, освещая круг поставленных вопросов, синтезирует опыт русского реализма в лице Ф.М. Достоевского и М. Горького не только в области художественного содержания, но и поэтической структуры.

4 Среди средств поэтики доминирующим можно считать художественный прием сна. В романе “Семь дней творения” он выполняет множество функций, заключает сложную и многозначительную символику, которая тесно связана с идейно-тематическим замыслом произведения: с мыслью о необходимости вернуть человеку Лик Божий, с концепцией о воцарившемся хаосе в греховном мире, утратившем гармонию, предустановленную божественным промыслом.

5 В романе мастерски используется целая система библейских образов-символов (звезда, небо, слепец, свет, тьма, цифра семь, ковчег, дорога), позволяющих ярче воплотить христианскую идею как единственно спасительную для человечества и придающих произведению общефилософский глубинный подтекст.

6 Пейзаж в романе “Семь дней творения”, отличаясь большим своеобразием в плане колорита и многотипности воплощения, играет важную многофункциональную роль. Среди множества функций пейзажа главными являются символическая и философская, которые напоминают о присутствии божественного начала, показывает эволюцию души героя, переход на более высокую ступень духовного развития, заставляют думать о промысле божьем и неисповедимых путях человека к Богу.

7 Роман отличается своеобразной полифонией: в нем представлены различные независимые “идеологически ценностные точки зрения”⁵, проявляющиеся в том, как различные герои по-своему оценивают окружающую действительность.

8 Роман в жанровом отношении отличается совмещением социально-философского, семейного и житийного повествования, по силе эмоционального воздействия, убедительности образов, выпуклости проблемы обретения смысла жизни, истины, являясь одним из лучших произведений Владимира Максимова.

Теоретико-методологической базой исследования являются труды известных литературоведов, историков и теоретиков литературы. Важное значение для методологического обоснования исследования имеют труды М. Бахтина, М. Соловьева, Ю. Лотмана. Автор опирается также на опыт таких отечественных и зарубежных ученых, обращавшихся к творчеству Владимира Максимова, как В. Иверни, Д. Браун, И. Попова, А. Дзиов, Л. Шахова, А. Соколов, А. Баклыков, Н. Савушкина, Чу Юань и других.

Теоретическая значимость диссертации состоит в том, что работа способствует более глубокому пониманию теоретических аспектов русской прозы, литературы “третьей волны” русского зарубежья, ее структурно-поэтических особенностей.

Практическое применение. Результаты научного исследования могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения русской литературы и литературы русского зарубежья, при чтении спецкурсов, лекционных курсов и ведении факультативов по отдельным проблемам в школах и вузах.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения диссертации и ее отдельные аспекты неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры русской филологии Тамбовского государственного технического университета, а также на шестых Шишковских чтениях Тверского государственного университета, на Первой Всероссийской конференции “Текст: теория и методика в контексте вузовского образования” в Тольятинском государственном университете в 2003 году. Основные положения диссертации изложены в 4 публикациях.

Структура и объем работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний и библиографии. Введение включает формулировки актуальности, новизны, теоретической и практической значимости, определение предмета, обоснование целей и методов исследования. Рассматривается место писателя в литературном и общественном контексте, характерная особенность его творческой и общественной позиции. Первая глава посвящена анализу произведения на идейно-тематическом уровне, изучению системы образов, контекста и текстовых связей произведения. Во второй главе исследования

⁵ Успенский, Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 127.

представлены особенности поэтики произведения, в частности, функции снов, символики христианства, пейзажей и другие особенности повествования. Заключение содержит основные выводы по диссертационному исследованию.

Основное содержание диссертации изложено на 184 страницах. Библиография включает 222 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, отмечается степень ее изученности, формулируются предмет, цель и задачи исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагается гипотеза.

В **главе первой** «Проблематика романа Владимира Максимова “Семь дней творения”» отмечены идейно-тематические особенности произведения. В связи с анализируемыми антропологическими, нравственными, социальными и аксиологическими проблемами романа рассматривается вся сложная система образов.

В **первом параграфе** «Роман “Семь дней творения” в контексте творчества Владимира Максимова» определяется место и значимость анализируемого произведения Владимира Максимова в его прозе и в ряду творчества писателей советской литературы, затрагивавших проблему большевизма в судьбе России.

Творчество Владимира Максимова также включает углубленные раздумья о смысле истории, судьбах народа, о прошлом, настоящем и будущем людей, всего человечества, выражает глубинные процессы действительности. В романе “Семь дней творения” автор продолжает углублять проблему влияния коммунистических принципов на жизнь общества, создает образ коммуниста; произведение содержит напряженное художественное исследование закономерностей и сущности большевизма. Однако “Семь дней творения” идет в разрез с предшествующими произведениями в идейном аспекте. В романе изображается пагубность выбранного пути, антигуманная сущность коммунистического строя, оторванность коммунистов от почвы народной жизни. Образ коммуниста лишается однозначности: это уже не безупречная личность в нравственном отношении. Новый подход к созданию образа – результат духовных исканий, нравственного самоопределения, творческого становления, мировоззренческой позиции.

В диссертации отмечается, что роман “Семь дней творения” – важная веха в жизненном и творческом пути писателя. Произведение являет собой нравственно-религиозное самоопределение, итог размышлений над насущными темами современности, развивавшимися в его ранних повестях, связанными прежде всего с проблемой человека.

В фокусе авторского внимания в 1960-е годы – судьба человека, ценой невосполнимых жизненных потерь приобретающего трагическое знание, которое поднимает его на новый, максималистски выверенный нравственный уровень.

“История нравственного перелома, совершающегося в сознании героя под влиянием уроков жизни” – история тяжбы эмпирического, живого и омертвляющей внутренней установки. Рождался этический конфликт, выливающийся в душевную ломку. Под напором обстоятельств в герое проявлялся “новый” человек.

В своем художественном исследовании действительности Владимир Максимов обращался к истокам формирования негативного отношения героя к обществу. Эти истоки виделись ему в трагических изломах отечественной истории.

В повести “Стань за черту”, запечатлевшей противостояние бессмысленной, деградирующей, потерявшей свои ориентиры земной жизни и вечного, появляются религиозные мотивы, которые вошли в повествование как антитеза, как авторское “нет” бесчеловечному миру. В дальнейшем писатель начинает вглядываться в них более пристально, осмысляя собственный жизненный опыт, находит в нем некие созвучия своему религиозному поиску.

В “Семи днях творения”, где писатель обращается к широкому кругу тем и мотивов, концентрируется художественный опыт ранних повестей. По словам Л. Аннинского, “соединяются в цепочку максимовские повести, и намечается первый слабый контур целого, где соединены концы и жизнь предстает как мироздание, а ряд моральных реакций как система морального сознания... проза Максимова ищет широкого поля, она готова объять весь многопроблемный мир”⁶.

⁶ Аннинский, Л. Опровержение одиночества. О книге повестей “Мы обживаем землю” / Л. Аннинский // В литературном зеркале: О творчестве Владимира Максимова. – Париж – Нью-Йорк: Издательство “Третья волна”, 1986. – С.270.

На примере семьи Лашковых Владимир Максимов воплотил свои сокровенные раздумья о причинах и сути происходивших в России в XX веке катаклизмов. Проблема покаяния, преодоления заблуждений, обозначенная в повестях на локальном уровне как конфликт эгоизма и гуманистической морали, в романе продолжена как противоборство религии и материализма. В “Семи днях творения” смыкание проблематики повестей вылилось в открытие нового героя: человека, “верящего в социализм, но воспитанного куда более глубинной христианской системой”⁷.

Весь пафос романа Владимира Максимова – в открытии нового в человеке. Проведя своих героев через “семь дней” трагических испытаний и утрат, погрузив в хаос и суету, подведя, кажется, к окончательной гибели, писатель все же не оставляет их на пути к обновлению, которое представляется не только жизненно необходимым, но и возможным. Лашковы утратили многое, отвернувшись от своей природной сути, но их возвращение к себе – закономерность, которая обоснована их жизненными качествами.

В конце первого параграфа делается вывод, что религиозная концепция преображения мира определила философское начало романа, привела к выводу о необходимости нравственного усовершенствования каждого человека, что ведет к гармонии человека и общества. По мнению автора, преображение облагороженной личности не может быть следствием материального изобилия, ибо духовное богатство не зависит от богатства материального. Преображение души человеческой невозможно в обществе, где царит принцип “бытие определяет сознание”. Задача духовного просветления и изменения личности не может быть решена вне христианства, в котором чрезвычайно силен “импульс самосовершенствования не только на индивидуальном, но и на общественном уровне”⁸.

Во *втором параграфе* «Евангельские мотивы в романе “Семи днях творения”. В. Максимов и Ф.М. Достоевский» рассматриваются особенности мировидения Владимира Максимова и взаимосвязь его прозы с творчеством Ф.М. Достоевского.

Идеалы христианства являются той составляющей художественного мира Владимира Максимова, без которой духовная природа его творчества не может быть осмыслена во всей полноте. Возникновение религиозной концепции в прозе Максимова порождено напряженным духовным стремлением осмыслить итоги грандиозных экспериментов, проводившихся в стране на протяжении семидесятилетней великой и трагической советской эпохи.

Владимир Максимов обратился к христианству под влиянием взглядов Ф.М. Достоевского. По признанию Максимова, Достоевский сформировал психологию и мировоззрение поколения первой половины XX века⁹. Об этом свидетельствует вся его проза и драматургия.

В “Семи днях творения” Владимир Максимов вслед за Достоевским поставил глубочайшие проблемы земного бытия, смысла жизни человека, его нравственного выбора, атеистического своеволия, разума и совести, веры и неверия. В своих размышлениях о человеческой душе, о борьбе добра и зла в ней Владимир Максимов приходит к тем же выводам, к каким приходил его великий предшественник.

Отмечая симптомы духовного кризиса, переживаемого страной: “измельчание духовного характера, утраты духовного измерения жизни, обмельчание и прозаизация человеческого бытия, торжество пошлости”¹⁰, Владимир Максимов видел источник народных бед в отсутствии веры, в отречении от Бога, а исцеление, возрождение России – в приобщении к духовным религиозным ценностям. По мнению Максимова, в противовес революции, внесшей в общество раскол, нужна иная “единая скрепляющая идея”¹¹, ведущая к идеалу, без которого “ничего не будет, кроме еще пущей мерзости”¹².

В этом смысле отказ от идеалов означает отказ от признания духовной природы человека, от тех потребностей Духа, которые породили представление о Боге, достоинстве, свободе. Мысль о христианской природе души, о неминемости возвращения человека к своим природным корням лейтмотивом проходит через роман “Семи дней творения”.

Владимир Максимов стремится осмыслить метафизическую природу зла, что сближает его с русскими писателями XIX века. Автор “Семи дней творения”, принимая мысль Ф.М. Достоевского: “Тут Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей”¹³, прибегает к аллюзии на легенду из Ветхого Завета о грехопадении Адама и Евы. Бог дал человеку свобо-

⁷ Хватов, А.И. Живые страницы, памятные имена / А.И. Хватов. – М.: 1989. – С. 34.

⁸ Назаров, М. Западники и почвенники или рассечение двуглавого орла. / М. Назаров // Наш современник. – 1990. – № 3. – С. 139.

⁹ Максимов В.Е. Мистика социализма / В.Е. Максимов // Континент, – 1982. № 31. – С. 345.

¹⁰ Ильин, И.А. Собрание сочинений. В 10 т. Т.9. / И.А. Ильин. – М.: 1993. – 1999. – С. 299.

¹¹ Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 13. / Ф.М. Достоевский. – СПб., 1988 – 1995. – С. 91.

¹² Там же. – С. 85.

¹³ Звозников, А.А. Достоевский и православие / А.А. Звозников // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX вв. – С. 183.

ду выбора, а человек пожинает плоды своего безумия. Человек впал в соблазн – зло стало определять поведение людей, их судьбы, наполняя души тьмой.

Зло, разлитое в событиях, наполнивших пространство романа, – имеет источник вполне определенный. Этот источник ощущается тем же Петром Лашковым как некая страшная, неосязаемая и таинственная, но явная сила, действующая среди людей и несущая им погибель. Петр Лашков освобождается от некой губительной силы, совершив путь к себе, открыв иллюзорность своих стремлений, ощутив, что жизнь вне Бога пуста, что всю жизнь он шел от людей, а не к ним. “Путешествие к себе” Петра Лашкова началось с возвращения к событию, символически обозначившему весь жизненный путь героя как историю прельщения “социальным” соблазном.

Владимир Максимов видит в людях смешение “света” и “тьмы”, что созвучно мысли Достоевского, который, несомненно, был хорошо знаком со святоотеческими источниками: каждый человек ежедневно умирает и воскресает, каждый безнравственный поступок наполняет сердце чувством смерти, а всякое стремление к добру наполняет сердце славой новой жизни. Именно существованием тьмы объясняет писатель невозможность, заведомую неудачу всех самых благих намерений.

Пафос романа Максимова – стремление восстановить в своих правах утраченное различие между добром и злом. Лишь при этом условии человек может преодолеть царящий вовне и внутри его беспорядок, искоренить почитающий за норму жизни разврат, возвратиться к тем незамутненным понятиям о совести, Боге, добре, которые в течение веков помогали противостоять бесовским соблазнам.

Максимову близка концепция Достоевского, согласно которой единственно возможный способ изменения мира к лучшему начинается с очищения своей души. Процесс духовного очищения невозможен вне ощущения своей ответственности.

Авторская мысль развивается, идя по четким ракурсам: соблазн (грех) – раскаяние – искупление (страдания), которые раскрываются как традиционно христианские. Идея страдания выражает веру в преодоление греховности, гордыни, эгоизма, веру в благотворность подчинения личного интереса соборному началу и тесно связана с идеей покаяния, добровольного, никем не принуждаемого, но по воле Божьей.

Пафос творчества Достоевского, основанный на стремлении найти человека в человеке, на вере в возможность совершенствования, немислимого вне психологических катаклизмов и мучительных душевных переживаний, характерен для Максимова.

Сложность проблемы личности у Достоевского и Максимова в том и заключается, что расцвет личности невозможен вне преодоления атеистического своеволия, гордыни, вне достижения духовного совершенства и преклонения перед Божьей правдой. Антиподы “своевольников” – “смиренники” князь Мышкин, Соня Мармеладова, Алеша Карамазов у Достоевского и Гупак, Бобошко, отец Георгий, Крепс у Максимова, наделенные благодатной силой сочувствия, стараются изо всех сил помочь страдающим и обиженным, то есть Максимов не без влияния Достоевского создает образ “положительно прекрасного человека”.

Мир, представленный в разных своих ипостасях и отраженный в сознании персонажей, приобретает смысловую и ценностную определенность, благодаря действию обобщающей авторской мысли, синтезирующей материал сознания героев в определенное единство.

Развитие сюжетных линий, развертывание характеров героев и мотивов определяется авторским стремлением выявить и осмыслить в жизненном материале вечное – христианские сюжеты и образы.

В *третьем параграфе* «“Железные” коммунисты в романе. В. Максимов и М. Горький» исследуется влияние М. Горького на творчество Владимира Максимова. Владимир Максимов и Максим Горький – писатели, до дна измерившие глубины человеческих падений, знавшие подлинные масштабы жизненных невзгод, сохранившие, тем не менее, веру в человека.

Владимиру Максимову была близка точка зрения Максима Горького на необходимость изучать жизнь, находиться в самой гуще событий. Максимов, подобно Горькому, не боится хаоса действительности: воспроизведение им жизненного потока подчеркивает множество ее течений, пластов, сил, зачастую противоборствующих. Он утрирует хаотичность мира для того, чтобы ее исследовать и преодолеть. Владимир Максимов заимствует гуманизм Горького, в основе которого непобедимая вера в человека, в то, что в любой, самой падшей, деградирующей личности есть ростки добра, вследствие чего человек может возвышаться духовно, а, изменив себя, может изменить общество.

Гуманизм Максимова и Горького – это не только горячая любовь к людям, но и активное стремление помочь им стать лучше. Это и уверенность в том, что ход исторического развития приближает решающую победу человеческого над бесчеловечным. Главный путь всестороннего роста и обновления личности оба писателя видели в расширении духовного диапазона человека. Герои произведений Горь-

кого и Максимова поднимаются от темноты, инстинкта к разуму, сознанию, от быта – к политике и философии, от пассивности к действию во имя осмысленных общественных целей.

Для Максимова представляли большой интерес художественные искания Горького, которые насыщались многообразием философских размышлений о слабостях человека перед силой зла, его склонности к утешающему самообману, той “фальшивой” монете, на которую человеку ничего нельзя приобрести¹⁴. Для Максимова такой “фальшивой монетой” стали идеи революции.

Уверенность в неодолимости человеческих начал жизни вовсе не означала спокойно-созерцательного восприятия зла и его носителей. Из самой сути гуманизма вытекала непримиримость писателей по отношению к тем, для кого угнетение человека человеком является незыблемым принципом бытия, тем, кто защищает социальную несправедливость, сеет несчастья среди миллионов людей.

Для произведений Владимира Максимова характерен горьковский мотив “выламывание из среды”, у него человек может срашиваться со своей средой или же духовно расти в сопротивлении всему тому, что в этой среде противоречит его пониманию добра и зла, красоты и уродства.

Обозначив проблемы: “человек”, “человек и общество”, “Россия и революция”, “Россия и ее будущее”, – Владимир Максимов развивает открытые Горьким глубины человеческого характера (“босяки”, “маленькие люди”, “человек партии”, “рабы наживы”).

Через образы коммунистов Петра и Андрея Лашковых писатель вступил в соприкосновение с характерным для Горького сюжетом, связанным с рождением нового человека и нового мира. Но в “Семи днях творения” происходит такое обновление личности и намечается перспектива такого жизнотворчества, которое по своему смыслу решительно противоположно тем, что бытовало в творчестве Горького. Пафос романа – в отрицании тех ценностей, которые провозглашались как господствующие в советской истории и в утверждении христианской морали, единственного пути духовного роста личности и достижения гармонии в обществе через приобщение к Богу.

Андрей и Петр Лашковы беззаветно преданы делу партии, это люди внутренней честности, принципиальные, убежденные в гуманности существующей идеологии – и, следовательно, способствующие ее утверждению. Их цели очень высоки и благородны, помыслы бескорыстны. Совершив массу ошибок, пройдя через страдания, мучительные сомнения, оба в итоге понимают пагубность существующей власти. Для Андрея Лашкова в действительности, прежде представляющейся цельной, не несущей в себе неразрешимых конфликтов, стали появляться темные пятна. Герой постоянно оказывается в ситуации выбора, который обусловлен наличием двух установок у Андрея. Первая предусматривает поведение, определяющееся его естественными наклонностями, идущими из глубины души, где Андрей – натура мягкая, любящая, тянущаяся к природе; вторая задается его социальной ролью, где Андрей комсомолец, строго следующий принципам партии. В душе героя растет раскол. Пройдя через цепи конфликтов и противоречий, Андрей озадачивается неожиданными для него вопросами о верности выбранного пути, нравственных ориентиров. Сознание греха становится началом духовного выздоровления, и Андрей отказывается от совершения того, что идет против совести. У героя рождается новое состояние души: он осознает свою ответственность не только перед людьми, но и перед чем-то непостижимым, проникается ощущением неслучайности всего происходящего. Он теряет свой командирский статус, но приобретает нечто большее: преодоление тьмы в душе, соединение с любимой женщиной, успокоение в гармонии с природой.

Петр Лашков с горечью признает бессмысленность прожитых лет, свою причастность к людским бедам лишь на склоне жизни. Новая жизнь (переоценка прошлого, помощь знакомым и родным, восстановление семейных связей) привела Петра Васильевича в соприкосновение с Богом, к вере в высший смысл жизни, высшую цель бытия, в объективный характер этических требований, что составляет корневую опору нравственности. Лишь открыв свое сердце людям и Богу, герой обретает равновесие от ощущения связи окружающего мира, от сознания своего “я” частью огромного и осмысленного целого.

В *четвертом параграфе* «Борцы против “слюнявого идеализма”» анализируется художественный смысл изображенной в романе галереи народных лжезаступников (Аванесян, Воробушкин, Парамошин, Карасик). Это люди, находящиеся в конъюнктуре власти, определяющие жизнь общества. Стремясь лишь к материальным благам, игнорируя духовные ценности, они решительно никого не желают знать, кроме себя, своих выгод, страстей, желаний; весь мир для них одно лишь средство, все в нем имеет смысл в той мере, в какой служит удовлетворению их помыслов.

Автором отражен драматический контраст между оптимистическими, жизнеутверждающими, зовущими в светлое будущее лозунгами партии и уровнем жизни миллионов людей, не имеющих отношение к структуре власти. Владимир Максимов изображает обездоленных людей, ставших жертвами то-

¹⁴ Волков, А.А. Художественный мир Горького (Советские годы) / А.А. Волков. – М.: Современник, 1978. – С. 70.

талитарного режима. В главе “Двор посреди неба” двор выступает неким социальным микромиром, изображенным на протяжении длительного времени. Все герои вступают в него, исполненные сил и стремлений, но так или иначе претерпевают крах. Они теряют все, чем обладали, находя лишь разочарование. Максимов взял один двор, один дом и, окольцевав время действия семи днями, “прошелся” по всей советской истории. Собранные как по заказу судьбы под одной крышей дворники и участковые, водопроводчики и плотники, артисты и тюремщики, зубные врачи и проститутки составили макрокосм романа – тот прообраз социалистической общины, где все палачи и все жертвы.

Вторая глава «Особенности поэтики романа “Семь дней творения”» посвящена исследованию особенностей романа в стилистическом аспекте. Среди многих элементов поэтической структуры конкретно рассмотрены функции художественного приема сна, христианская символика, пейзаж, полифонизм.

Роман Владимира Максимова “Семь дней творения” отличается многофункциональностью художественного приема сна. Как и у писателей-классиков, в максимовском романе картины и образы снов и видений либо выражают социально-эстетические, нравственные идеалы писателя, либо служат для него важнейшим средством художественного исследования человеческой души (выполняют психологические функции).

В романе “Семь дней творения” плавное эпическое повествование движется параллельно в двух планах, двух измерениях, двух сопредельных сферах бытия: в реальном пространстве мира сего и в фантазмагоричной сфере многочисленных персонажных снов, сообщающихся друг с другом, тематически и композиционно перекликающихся между собой.

Духовные итоги огромного исторического события – социалистической революции – даны Максимовым в тексте не только на рассудочном уровне, но и принимают форму происшествия чисто индивидуального, переворота в душевной жизни главных персонажей произведения.

Сны у Максимова зачастую отличаются сложной и многозначной символикой, эта сложность идет оттого, что они выражают не только состояние героя, но и авторскую тенденцию. Максимов часто торопится загнать героя в духовный тупик и спешит подчеркнуть в картине сна такую мысль, которую сам герой еще не осознал. В целом же сновидения у героев Максимова служат не тому, чтобы затемнить, скрыть, представить в безобидной форме тайные желания человека, а скорее наоборот, прояснению скрытого.

Сны построены так, что каждый новый сон обостряет моральные чувства, испытанные уже в предыдущем сне, а значит, и проясняет его ценность, так как моральные чувства характеризуются тем, что в самом их переживании заключается нравственная оценка. Сны позволяют показать сдвиги в мироощущении, которые герой еще ясно не познал. Сны и помогают героям Максимова понять внутренние перемены, происшедшие с ними.

Сны играют действенную роль в жизни героев романа: в результате прояснения скрытого стимула или чувства, – прояснения, наступившего под влиянием сна, – герой делает главный шаг или важнейшее открытие.

Художественный прием сна играет существенную роль в композиции произведения. Именно описанием сна оно открывается, его первая глава “Путешествие к себе”, а также глава “Перегон”. Сны видят герои в самые трудные моменты своей жизни, что помогает им выйти из душевного кризиса; посредством снов и видений автор возвращает своих героев в прошлое.

Такая своеобразная композиция, которая органично включает в себя художественный прием сна, связана с религиозно-художественной идеей автора, с его моралистической концепцией. Можно провести параллель с Библией. В Библии сон впервые упоминается наряду с важнейшими событиями: у спящего Адама Бог изымает ребро, в сновидении Авраама Господь сделал его основателем племен, все, относящееся к рождению и обереганию Иисуса, стало результатом Божественных сновидных пророчеств.

Грандиозное библейское повествование движется и развивается в двух планах, двух разноприродных сферах, подобных постоянно сообщающимся сосудам: в эзотерической сфере Божественного, потустороннего, сновидного и на экзотерическом пространстве сугубо явного, земного, бренного бытия. Та же особенность характерна и для снов персонажей “Семи дней творения”.

Сны и видения всех героев связаны с идейно-тематическим замыслом Владимира Максимова о необходимости вернуть человеку Лик Божий, с концепцией о том, что все в этом греховном мире с некоторых пор перевернулось, обратившись в свою противоположность и утратив предустановленную божественным промыслом гармонию.

В романе Владимира Максимова “Семь дней творения” художественный прием сна выполняет следующие функции: ретроспективную (возвращая героя в прошлое, автор показывает истоки и причины поступка), интроспективную (сновидец к субъективному знанию себя изнутри добавляет знание себя со стороны как объекта), функцию характеристики образов, функцию рефлексии (объясняются истинные мотивы поступка), пророческую функцию (предсказываются события в будущем), функцию обновления, перерождения героя (кризисный сон или духовный катарсис, когда персонаж, проснувшись, как бы воскресает, преображенный для новой деятельности или нравственной миссии), функцию выявления авторской позиции.

В системе размышлений Владимира Максимова над проблемами современности оказываются необходимыми библейские образы-символы, рассмотренные нами во *втором параграфе*.

Самым актуальным, основополагающим символом является сквозное для романа число семь, связанное с христианством. Этот символ входит в заголовочный комплекс произведения, который, отражая идейно-тематическое содержание художественного текста, определяет композицию произведения, количество и духовный сюжет глав-звеньев.

Используя символ числа, а конкретно числа семь, вслед за которым выявляются и другие числа (три, четыре, два, десять), Владимир Максимов подчеркивает острую необходимость вспомнить жертвенность Иисуса Христа во имя грешного человечества, почувствовать нужность жить по нравственным законам, восходящим к Библии, проникнуться значимостью Завета между Богом и человеком, а значит изменить себя, прозреть душой. Названный символ противопоставляется символическому образу муляжного окорока как революционного соблазна.

Символы отражают концепцию писателя о наличии и противоборстве двух антагонистических сил (Бога и дьявола) и определяют возникновение в романе символов света и тьмы, которые являются сферами существования и деяния божественного и демонического.

Герои романа, живущие по законам Евангелия (Гупак, Бабошко, отец Георгий, Крепс, Храмов), очень много говорят о засилии тьмы в людских сердцах, которую необходимо преодолеть, обратясь к свету (Богу) и обретя свет (Истину, очищение) в душе.

Синонимами образа – символа тьмы в романе выступают “пустота, ночь”, черный цвет, с помощью которого автор изображает духовное обнищание людей в погоне за материальными благами, душевную деградацию, попрание гуманистических принципов, источником чего является дьявол, и указывает конкретную причину происходящего, кроющуюся в богоотступничестве.

Контекстуальными синонимами символа света можно рассматривать слова «озарение», «утро», «день», носителями света являются свечи. Знаком незримого присутствия Христа стала свеча в храме, куда загонял скот Андрей Лашков.

Близким к символу света по семантике приходится символ звезды, сопутствующий каждому из рода Лашковых и представляющий аллюзию на рождество Христа в истерзанных душах героев. На темном небосклоне Петра и Андрея сначала появляются звезды, не обозначенные визуально, когда духовное начало, вопреки окольцованному тьмой и глухотой сознанию, жаждет полноты бытия и гармонии, слияния с праведным и нетленным. Это голос спасителя, которому вняла совесть, то есть образ звезды, используется в “Семи днях творения” как символ судьбы и напоминания о вечности, о причастности человеческой души к иным мирам.

Те же функции выполняет символический образ неба (в Библии оно олицетворяется с божественным тронem, на который возвращается Христос после своего воскресения), неслучайно эти образы вводятся в сюжетную канву одновременно.

В романе присутствует образ церкви-ковчега. Антонина Лашкова жила согласно заповедям, с Богом в сердце, но обрела покой в душе, ощущение неуязвимости, слитности с окружающим и причастности к вечному именно в церкви. Для Андрея спасительным ковчегом стал лес. В лесу Андрей чувствовал себя спокойно, уверенно, казался себе неуязвимым, приобщился к вечному единству всего сущего. В этот ковчег стремится и Вадим Лашков. Можно предположить, на основании спасительной миссии образа неба, что этот символ перевоплощается в образ спасительного ковчега. Как видно из романа, образ ковчега, являясь средством спасения от пучины безбожия, связывается с авторской идеей о пути-движении России сквозь горнила страданий к духовному очищению и возрождению.

Сюжетообразующим символом является образ слепца. Слепота – это символ незнания, заблужденности, пребывания в духовной тьме. По Евангелию, Иисус даровал зрение незрячему, и уже в раннюю эпоху христианства это считалось символом духовного озарения. Слепцами, восторженно принявшими новую жизнь без Бога, являются Андрей и Василий Лашковы и все те, кто допустил царство “бесовщи-

ны”, кто так и не услышал зов спасителя, не захотел вернуться к своим национальным нравственным корням, осмысливаемым по законам Евангелия.

Образ слепца тесно переплетается с оптимистическим жизнеутверждающим архетипом дороги. Он является организующим, неотъемлемым звеном в фабульном отношении. Герои романа – странники на дорогах жизни в поисках истины.

Дорога, выступающая в разных ипостасях (пустыня, взлет, падение), совмещаясь с образом слепца, мыслится бесконечной, беспредельной, измеряющейся не только днями и километрами, а Историей и Временем. Символ же слепца при этом приобретает всеобщее значение.

Таким образом, используемые автором “Семи дней творения” библейские образы-символы позволяют ярче воплотить христианскую идею, придают ему общепhilosophический глубинный подтекст.

В *третьем параграфе* «Пейзаж в романе “Семь дней творения”» определяется его роль в художественной канве произведения, многофункциональность и многотипность названного элемента поэтики.

Пейзажи замечательно оттеняют смысловую сторону романа, они глубоко связаны с его идейным содержанием, занимая в каждом отдельном случае свое неповторимое место, благодаря чему становятся еще более волнующими и значительными в эстетическом отношении. Без уточнения их роли не могут быть поняты во всей смысловой полноте отдельные события и эпизоды, поступки и переживания героев.

Пейзаж важен в описании обстоятельств происходящих в произведении событий и может выполнять функцию психологического параллелизма, тогда через него автор передает внутреннее и духовное, эмоциональное состояние героев. Кроме того, пейзаж заставляет думать о Вечном, о промысле Божьем и неисповедимых путях человека к Богу; он служит путеводной звездой в духовном воскрешении героев, как бы знаменуя этапы их нравственного перерождения, при этом неотъемлемо заключая в себе символическое значение и участвуя в хронотопе произведения.

Пейзаж в “Семи днях творения” выполняет следующие функции:

- является художественной формой выяснения и толкования истины;
- выполняет роль психологического параллелизма, служа средством характеристики персонажа;
- побуждает к философским размышлениям;
- является символическим толкованием реальных событий.

Осуществляя столь многочисленные функции, максимовский пейзаж весьма индивидуален в плане колорита и многотипности. Писатель синтезирует традиции своих предшественников.

В “Семи днях творения” пейзаж – часто используемый элемент поэтики, по объему как краткий, так и пространственный; в отношении использования цветности, образности, эмоциональной окраски представляющий контрастные картины. Пленительны, головокружительны звучные, благоухающие, многокрасочные описания природы разных времен года, проникнутые сиянием солнца или светом звезд, сверканием рос, блеском тополей, синевой небес, желтизной полей, зеленью листвы. И, напротив, угнетающе серый, унылый пейзаж, с промозглым дождем, туманной завесой, темным, непроглядным или облезлым небом, тощими облаками.

В пейзаже Максимова есть два аспекта: объективный (описательный) и субъективный (психологический). Доминирует психологический аспект, что создает поразительный эстетический эффект. Семантическая сторона психологизации пейзажа – подчиненность пейзажа этико-philosophическому замыслу автора, отсюда и двуплановость, полярность в картинах природы. Этим же объясняется и еще одно интересное явление: как и Ф.М. Достоевский, Максимов изображает на страницах романа повторяющийся пейзаж, типовой, нарисованный одними и теми же красками.

Используются образы природы, отображающие разное время года и время суток: дорога (асфальт, простор, поле), лес, тополя, облака, солнце, луна, небо, звезды. Постоянны и эпитеты с цветовой семантикой. В мажорных картинах преобладающим является сверкающий тон (“блестящие тропы”, “блистающая дорога”, “блистающая капля”, “слепающий солнечный свет”, “звезда мерцала”, “тополя светились”, “лунное сияние”), также присутствуют и другие яркие цвета (“небо, настоящее почти осязаемой синевой”, “голубая звезда”, “голубизна неба”, “почки взрывались язычками зеленого пламени”, “тихой зеленью светились тополя”).

В минорном пейзаже преобладают серые, черные, мутные краски: “слинявшее небо”, “белесое небо”, “мутные капли”, “сквозная белесость неба”, “серые островки снега”, “серая толща”, “серая пелена”, “чернильного колера облака”, “аспидная темень”, “чернильная густота вечера”, “аспидно-черное небо”.

Для пейзажа романа “Семь дней творения” характерно употребление слов (это глаголы и его формы), создающих впечатление аморфности, неопределенности, расплывчатости, в визуальном плане – представление холста, нарисованного акварелью, контуры образов которого не имеют четких границ,

они размыты: “дорога расползалась”, “поле растекалось”, “дома оплывали”, “лесополосы оплывали”, “улицы растекались”, “стекающая дорога”, “истекающее зноем небо”, “облака расползались”.

При повторении в романе картины природы Владимир Максимов мастерски углубляет ее в соответствии с индивидуальностью персонажа, с его настроением и отношением с окружающей действительностью. Редко обращаясь к “внешним” зрительным картинам, Максимов не стремится к большому их разнообразию, будучи сосредоточенным на переживаниях героя и погруженным в его внутренний мир.

Можно выделить несколько типов пейзажей в романе Максимова “Семь дней творения”:

- дымный, мутный, мрачный пейзаж, часто туманный, дождливый, ветренный;
- вьюжный зимний пейзаж;
- оптимистический яркий солнечный пейзаж с синим небом, пленительными далями;
- многоцветный, наполненный светом и звуками пейзаж, но поданный с щемящим чувством глухой тоски;
- ночной пейзаж, включающий образы неба, луны, звезды;
- “архитектурный пейзаж”¹⁵.

В *четвертом параграфе* «Полифонизм романа “Семь дней творения”» отмечается, что в романе наблюдаются приметы знаменитой “достоевской” полифонии, многоголосия. Являя собой зеркало эпохи с ее противоречивостью, сложностью, многопланностью, роман “Семь дней творения” представляет произведение, в котором разворачивается множественность самостоятельных, внутренне свободных сознаний. При прочтении романа создается впечатление, что речь идет не об одном авторе, а о целом ряде философских выступлений нескольких авторов-мыслителей (Гупак, Бобошко, Храмов, Крепс и др.) которые идеологически авторитетны, самостоятельны и внутренне свободны, которые являют собой различные независимые “идеологически ценностные точки зрения”¹⁶, проявляющиеся в том, как тот или иной герой оценивает окружающую действительность. Кажется, “мелодию” повествования ведет один голос рассказчика, но два мотива, два вопроса и два ответа постоянно спорят в его наблюдениях и размышлениях, тревожа и будя сознание читателя.

Поскольку образ для плюралистичного мира романа – “церковь как общение неслиянных душ”¹⁷, как святыня, указывающая людям путь к спасению – приобщение к Богу, наблюдается совпадение точек зрения многих внутренних повествователей романа (Гупака, отца Георгия, Бобошко, Крепса, Храмова) по следующим позициям:

- сущность христианства – соединение ограниченного и временного человеческого духа с бесконечным Божественным, в чем и состоит спасение;
- человеческая жизнь представляет бесконечную ценность;
- центральное понятие христианского учения – любовь, любовь к Богу и человеку, что требует самопожертвования, исключает эгоизм, гордыню, жестокость, всепоглощающую погоню за материальными благами;
- путь к Истине – это путь через веру в подвиг Иисуса Христа, совершенный во имя искупления людских грехов, через осознание греха, покаяние, сомнение, муки;
- история христианства только начинается, евангельская стрела нацелена в вечность, потому и бесконечна работа человечества над своей душой на пути поиска смысла жизни.

В **заключении** делаются выводы по проведенному диссертационному исследованию.

По теме исследования опубликованы следующие работы:

1 **Глазкова, М.М.** Тема духовного рождения в романе В. Максимова “Семь дней творения” / И.М. Попова, М.М. Глазкова // Труды ТГТУ. – Тамбов, 2002. – Вып. 12. – С. 106 – 108.

2 **Глазкова, М.М.** Творение человека из хлипкой души (по роману В. Максимова “Семь дней творения”) / М.М. Глазкова // “Текст: теория и методика в контексте вузовского образования”: Сб. науч. тр. I Всеросс. конф. – Тольятти: Изд-во Тольяттинского гос. ун-та, 2003. – С. 159 – 162.

3 **Глазкова, М.М.** Эволюция возрождения души Петра Лашкова на пути к прозрению (по роману В. Максимова “Семь дней творения”) / М.М. Глазкова // Творчество В.Я. Шишкова в контексте русской прозы

¹⁵ Соловьев, М.С. Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского / М.С. Соловьев. – М.: Советский писатель, 1979. – С. 183.

¹⁶ Успенский, Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 25.

¹⁷ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Сов. Россия, 1979. – С. 234.

XX века: Сб. науч. тр. – Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2003. – С. 258 – 263.

4 **Глазкова, М.М.** Смысл названия романа В. Максимова “Семь дней творения” / М.М. Глазкова // Художественное слово в современном мире: Сб. ст.; Под общ. ред. И.М. Поповой / ТГТУ. Тамбов, 2003. Вып. 6. – С. 11 – 14.